

ОБРАЗ КОРКУТА В ЖИВОПИСИ НЕЗАВИСИМЫХ ТЮРКСКИХ СТРАН

Коркутиана – культурное и художественное явление, пронизывающее не только эпос, мифологию и литературу тюркских народов. Образ Коркута охватывает изобразительное искусство, музыку, а также самый молодой вид искусства – кино. Образ мифологического предка Коркут Ата стремились создать художники почти всех тюркских стран – Турции, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана. К этой теме обращаются татарские, алтайские, каракалпакские, хакаские, тувинские мастера искусства.

Смысловое ядро Коркутианы концентрируется в портретном жанре. Здесь определяется общий тезаурус тематики, связанной с эпосом «Китаби Деде Коркут», главные атрибуты самого Коркута и сопутствующие ему символы. Среди всех других именно портретный жанр отвечает за иконографию и стилистику образа, распространяющихся впоследствии на сюжетно-тематические композиции и даже на другие виды искусства. Портретный жанр, таким образом, является своеобразной лабораторией и полигоном, где проходят проверку на прочность визуальные образы Коркута и проверяется их соответствие национальным моделям мифологического прошлого, а также способность интегрироваться в актуальное культурное сознание.

Вероятно, можно утверждать, что приоритет создания первых иллюстраций на эту тему принадлежит азербайджанскому художнику Микаилу Абдуллаеву. Еще в 1956 году он создает иллюстрации к эпосу «Китаби Деде Коркут». В 1970-е гг. к образу Коркута обращается Тогрул Нариманбеков. Уже тогда его работы были использованы для ввода зрительского восприятия в знаковую систему киноповествования в фильме режиссера Т.Тагизаде «Деде Коркут» (1975), снятом по сценарию писателя Анара. Центральная композиция серии, созданной Т.Нариманбековым – это образ самого Коркута. Коркут изображен сидящим у корней дерева, которое, несомненно, обозначено художником как Мировое древо, растущее в центре мира, вселенной. Ощущение космизма создается дуализмом солярной

и лунной символики, печатью «вечного одиночества» образа Коркута. Его изображение, кроме того, лишено какой-либо исторической конкретики. Полотно решено на контрасте синих, желтых и красных живописных масс, где красным выделены плоды граната и гопуз в руках сказителя. Впоследствии эта композиция украсит обложку повести Анара «Деде Коркут» с подзаголовком «по мотивам тюрко-огузского эпоса».

Глубокое проникновение в национальную, этническую поэтику очень часто оказывается основой взлетных достижений в мировом искусстве, приобретая общечеловеческое звучание. Азербайджанский художник Мамед Ширзад, последние годы живущий и работающий в Турции, создал портретный образ Деде Коркута, удостоенный первой премии на фестивале искусств в г.Байбурте в 1998 году. Он изобразил мудрого старца поколенно, сидящим на фоне древесных стволов лицом к зрителю и держащим крупными сильными руками изящный гопуз. Его усталый взгляд из-под седых бровей устремлен влево от зрителя и, подобно позе, всему настроению картины - эпически «спокоен, ясен, невозмутим» [7, с. 437]. Реалистическая и условная традиции изобразительности в произведении М.Ширзада сплавляются, рождая историко-эпическую и этическую достоверность образа. Изобразительный язык, трактовка пластических масс, даже цветовой строй портрета удивительно близки иллюстрациям выдающегося финского художника Аксели Гален-Каллелы к эпосу «Калевала» (1890-е гг.), уступая им в экспрессии и эмоциональной напряженности. Здесь тот же отказ от иллюзорного пространства и то же значение плоскости. Эти совпадения в решении эпической темы не случайны. Подобно тому, как столетие назад в творчестве А. Гален-Каллелы, сохранившего реалистические основы своего метода, «меняется видение мира» [2, с. 112], для М.Ширзада на первый план выдвигаются образы-символы, мобилизующие национальное самосознание, созвучные идеалистической парадигме и ее художественному стилю.

Несомненной удачей азербайджанской Коркутианы самого начала XXI века является работа художника Нусрета Гаджиева, созданная в 2002 году. Будучи исполненной в качестве книжной иллюстрации, портретная композиция как нельзя более точно соответствует тематике издания, обложку которого она оформляет. Это книга под названием «Истоки взаимосвязей азербайджанской и турецкой ашыгской музыки». Образ Деде Коркута здесь представляется навеянным все тем же

одноименным фильмом режиссера Т.Тагизаде. По сравнению с работой М.Ширзада, портретная композиция Н.Гаджиева не несет с собой эпического начала, напротив, в ней предпринята парадоксальная попытка донести эпическое с помощью психологического. Поэтому образ Коркута передает ощущение вековой мудрости, боли утрат, и, вместе с тем, долготерпения, созидającego коллективный социальный опыт, культурную традицию. Необходимый ореол, своеобразную «дымку вечности» художник пластически передает с помощью белой «как лунь» шевелюры и бороды Деде Коркута, на фоне которых проступает морщинистое лицо с устремленными в бесконечность грустными глазами. Этот белый ореол может вызвать ряд ассоциации, связанных с плывущими по небу вечными облаками или с заснеженными горными вершинами, «на которые никто не проник». Образ имеет предельно обобщенный характер: в портрете нет ничего лишнего и потому он вырастает до уровня символа, олицетворяющего саму Традицию.

Выдающийся азербайджанский художник Таир Салахов создал портретный образ Коркута еще в 2000 году в рамках живописной серии «Из глубины веков». Его трактовка образа Коркута сильно отличается и от иконографии М.Ширзада, и от той интерпретации, которую дает Н.Гаджиев. Прежде всего Коркут кисти Т.Салахова – это не старый человек и в нем нет внутреннего спокойствия и невозмутимости. Волосы его темны, но борода его седа. Скорее, он в чем-то подобен влюбленному Меджнуну, скитающемуся в пустыне. Весь облик, особенно лицо и глаза Коркута передают ощущение взлетности, устремленности к идеалу, которым для Меджнуна была Лейли. Однако внутренняя эмоциональность образа в целом уравнивается пластическими и графическими приемами, прочно связанными с понятием «сурового стиля» Т.Салахова.

К портретному жанру можно отнести и работу азербайджанского художника Асифа Азерелли (Асифа Рхаева) «Деде Коркут». На этой картине Коркут изображен на переднем плане, сидящим на крупных камнях. Как и на многих других полотнах тюркских художников, Коркут представлен мудрым старцем с убеленной сединой головой. В руках он держит гогуз, повернутый грифом вверх. Тему мудрости, старости, святости подчеркивает белое свободное одеяние Коркута. Однако фон рассматриваемой картины в определенной степени выводит ее за пределы портретного жанра. Далеко за спиной Коркута художник изображает

гору и два каменных изваяния – балбал и надгробную скульптуру барана. По мнению Р.Гулиева, два каменных изваяния, характерные для древней тюркской традиции, призваны подчеркнуть тюркское происхождение Коркута, а изображение его «на фоне горы означает его связь с Танры, его святость» [1]. Добавим к этому, что, судя по очертаниям, гора на заднем плане – это Иландаг в Нахчыване, что вносит в символическое пространство картины еще и мотив змеи: как известно, по одной из версий Коркут погибает от укуса змеи.

Долгое время над серией произведений, посвященных эпосу «Китаби Деде Коркут» работает известный азербайджанский художник Исмаил Мамедов. Центральное место в этой серии занимает портретное изображение Коркута (2002). В этом образе нет того спокойствия, ясности, невозмутимости, которые отличают портреты Коркута кисти М.Ширзада и А.Азерелли. И хотя портрет, созданный И.Мамедовым, также представляет Коркута в образе старца, в глазах его – тревога, беспокойство. Фигура, изображенная по пояс, в движении, неустойчива: Коркут наклонился вправо и словно пытается глубже проникнуть своим взглядом в сознание зрителя. Одежда и атрибуты Коркута подхватывают и развивают тревожное настроение. Левой рукой он держит гогуз с грифом, завершающимся стилизованной головой быка, один из рогов которого сломан. Остроконечная шапка украшена полумесяцем. Не остается сомнения – перед нами шаман. В дополнение ко всем этим атрибутам в небе, справа и слева над головой Коркута изображены солнце и луна, похожие на шаманский бубен. Здесь все двойственно, подвижно, тревожно. Такой и должна быть атмосфера шаманского транса, измененного состояния сознания между бодрствованием и сном. Подобное состояние и в шаманизме, и в современной трансперсональной психологии описывается как «Вечное Сейчас».

«Китаби Деде Коркут» в Туркменистане признается не просто огузским, но именно туркменским эпосом. Коркут или, точнее Горкут Ата считается одним из предков туркмен, разработка иконографии его образа возведена практически на уровень государственной идеологии. В центре Ашхабада установлен памятник герою эпоса, изображение Горкут Ата украшает туркменскую банкноту достоинством в 50 манатов. Наряду с этим в живописи и графике туркменских мастеров идет процесс свободного художественного осмысления тематики эпоса «Китаби Деде

Коркут». Работающий в России туркменский художник Бердигулы Амансахатов создал графическую серию на темы эпоса, «где сами силуэты героев народного предания – схематичные и геометричные – напоминают ковровые орнаменты или элементы традиционных серебряных ювелирных украшений» [6]. Живописная композиция «Горкут Ата» принадлежит кисти Народного художника Туркменистана Ярлы Байрамова (1942-2013). Фигура сидящего в традиционной тюркской позе Коркута расположена в центре композиции. Он изображен на площади перед ханской ставкой, за которой виден степной пейзаж. Композиция и в смысловом, и в цветовом плане построена на контрасте общего и частного, отдельного. Образ Коркута предельно обобщен, изображения войска и ханской свиты максимально детализированы. Детально выписаны элементы конской сбруи, оружие, одежда хана и его воинов и т.д. Масштаб фигуры Коркута многократно превосходит масштаб всех других фигур вокруг. Он воспринимается как огромная гора в море людей. Такой прием подчеркивает значение Коркута как первопредка туркмен, ментальной основы туркменской культуры. И хотя преобладание физических размеров изображения Коркута позволяет рассматривать данное произведение в рамках портретного жанра, оно таковым не является. Художник сознательно уходит от разработки портретных черт Коркута: он «прячет» портрет за традиционными атрибутами – старец в белом одеянии, с белой шапкой волос и седой бородой держит в руках и гогуз, и книгу.

Заметное место образ Коркута занимает в творчестве казахских художников. Еще в 1970-е годы ими были созданы произведения, казалось бы, не имеющие прямого отношения к самому Коркуту и всему эпосу в целом, но явно адресующие к архетипам дастана «Китаби Деде Коркут». Это, например, такие работы, как «Рождение песни» (1975) Ш.Сариева и «Звуки кобыза» (1973) К.Есеркеева. Произведение К.Есеркеева заслуживает, вероятно, отдельного разговора. Вертикальная по формату композиция изображает исхудавшего пожилого мужчину, играющего на кобызе. Фигура музыканта, как и поверхность земли, исполнены в красном цвете по контрасту с иссиня-черным небом. За спиной музыканта условно прорисована юрта, наверху которой пламенеет шанырак – дымовое отверстие. Изображение построено так, что окружность шанырака одновременно расположена над головой музыканта, напоминая нимб христианского святого. Несмотря на жесткое колористическое решение,

картина не производит мрачного впечатления. Напротив, аскетичная фигура излучает какую-то отстраненность, но только один элемент выражает не то творческое исступление музыканта, не то трансовое состояние шамана – это пылающий на ветру шанырак. Трудно сказать, как интерпретировали картину «Звуки кобыза» более сорока лет назад, но сегодня в этом образе, конечно, видится аскет, мудрец, музыкант, сказитель и шаман Коркут.

После обретения государственной независимости в Казахстане, как и в других тюркских странах, тема эпоса «Китаби Деде Коркут» становится одной из постоянных в изобразительном искусстве. Художник А.Дузельханов создал эпическое по звучанию полотно «Сказание о Коркыт Ата», которое, однако, может быть рассмотрено в рамках портретного жанра. Сидящая в традиционной тюркской позе фигура Коркута выдвинута на передний план. Коркут сидит на ковре в бескрайней Великой Степи и играет на гопузе. Над степью разливается охристый свет заката, а в небе парят, широко раскинув крылья, лебеди. Образ Коркута в мифологической традиции тесно связан с образом птицы, прежде всего с лебедем. Легендой «Коркыт и лебеди» вдохновлялась молодая художница из Казахстана Анастасия Таранова, автор двух графических работ, написанных акварелью и тушью. На одной из них Коркут, играющий на гопузе, окружен своеобразным хороводом лебедей, летающих вокруг него. Обращают на себя внимание две детали иконографии Коркута. На графических листах А.Тарановой он изображен в национальном казахском халате и головном уборе. Кроме того, произведения А.Тарановой – очень редкое явление Коркутианы, так как здесь герой сказания предстает молодым, безбородым человеком.

Как известно, в 2015 году исполнилось двести лет со времени открытия Х. фон Децем дрезденской рукописи «Китаби Деде Коркут». Вероятно, именно это обстоятельство послужило причиной того, что в Казахстане в 2015 году была создана целая галерея работ на данную тему. Среди этих произведений самое пристальное внимание привлекает триптих Алибека Койлакаева «Коркыт Ата». Центральным образом триптиха является портретное изображение Коркута. Это монументальное, почти скульптурное по своей пластике изображение воспринимается как памятник. Художник намеренно избирает такой горизонт зрения, что мы смотрим на Коркута как бы снизу вверх. Напротив, на втором по-

лотне триптиха изображение представлено в ракурсе сверху вниз. Композиция передает некую модель мира, в центре которой находится Коркут, играющий на гопузе. Над ним пролетают лебеди, вокруг собрались слушающие его степные животные. За спиной Коркута горный пейзаж, у подножия горы – храм. То есть модель обладает максимальной полнотой элементов. Благодаря ракурсу обозрения этот мир воспринимается как островок, парящий во Вселенной.

На картине Нуржана Саутбекова «Коркут Ата», также написанной в 2015 году, Коркут наделен обычными иконографическими чертами и главным своим атрибутом – гопузом. Как и на многих других полотнах, он представлен на фоне степного пейзажа. Резко выделяется только один элемент композиции. За спиной сказителя-музыканта раскинулись корни обрубленного и выкорчеванного из земли дерева. Высохшие корни заменяют традиционный символ, связанный с Коркутом, – Древо жизни, Мировое древо. Таким способом автор выражает идею отрыва от корней традиционной культуры, разрыва связей с историческим прошлым, восстановления которых под силу только Коркуту и звукам его гопуза.

Портретный жанр Коркутианы существует и развивается не только в живописи, но и в графике и даже в прикладном искусстве. Причем в графике с ним связана инновационная технология исполнения. На проходившей в 2013 году в Алматы выставке «Кобызнаме» известный казахский художник Орозбек Есенбаев представил графический портрет Коркута, исполненный обычной шариковой ручкой на шелке. Это портрет сохраняет привычные черты иконографии Коркута, но отличается высокой экспрессией образа. А вот гобелен «Коркыт» (2012-2013), сотканный Омеркельды Абеуловым, совершенно уникальное явление в иконографии музыканта и мудреца. Изображение Коркута составлено из элементов традиционного казахского орнамента. Таким же способом решена иконография верблюда, на фоне которого изображен Коркут. Азербайджанский керамист Адалят Байрамов создал декоративные блюда «Деде Коркут» (1985), где роспись на сюжеты эпоса выполнена в стиле средневековой миниатюрной живописи.

Наконец, в современном тюркском искусстве есть целый ряд произведений, где Коркут является «фигурой умолчания». Это картина казахского автора Адилхаира Жантасова «Кобыз Коркута» (2013), каракалпакского художника В.Джапарова «Кобыз» (2001) и даже целый архитектурный

комплекс «Коркыт Ата» (1980), возведенный по проекту Бека Ибраева в Казахстане. Конечно, мы не склонны относить их к портретному жанру. Это было бы явным и грубым нарушением всех правил искусствоведческой науки. Но умалчивая саму фигуру Коркута, эти произведения замещают ее главным атрибутом – гопузом, кобызом. На картине В.Джапарова вертикально стоящий гопуз изображен в бескрайнем пространстве степи, где на втором плане видны объемы двух мечетей. На полотне А.Жантасова гопуз словно вплетен в крону дерева и семантически может восприниматься как плод на Древе жизни. Такая же символическая интерпретация не исключена, когда мы оказываемся в грандиозном пространстве комплекса «Коркыт Ата». Архитектурные формы комплекса являются иконическими знаками: это собранные в ствол по четыре верхние части грифа древнего музыкального инструмента. Так возникают архитектурные и одновременно скульптурные очертания дерева или Древа жизни. Внутри ствола физик-акустик С.Исатаев расположил специальное устройство. При дуновении ветра памятник начинает звучать.

Образ Коркута вдохновляет художников из тюркских автономий России. Поэтика Коркута формирует композиции художников Делгер-оол Руслана из Тувы, Алексея Топоева из Хакасии, Игната Ортонулова из Алтая. Работа И.Ортонулова «Кайчи» демонстрирует нам привычную иконографию эпического мудреца и музыканта. Устоявшийся образ дополнен двумя семантическими мотивами – изображениями горных вершин и птиц, что, как мы уже говорили, также традиционно связывается с образом Коркута. Совершенно иную, неожиданную трактовку образ сказителя находит в работах А.Топоева «Я рисую музыку» и Руслана Делгер-оола. Здесь Коркут не только музыкант, но и воин. На обеих картинах вместо обычного головного убора мы видим металлический шлем. На графическом листе А.Топоева, кроме того, рядом с играющим на гопузе музыкантом-воином лежит меч. Хакасский художник интерпретировал образ в духе древней казахской традиции, где музыка являлась искусством воинской касты. Известно, что казахские братства воинов-музыкантов сал-серэ просуществовали вплоть до XX века. Кстати, персонаж А.Топоева – это молодой человек в прекрасной физической форме. Впоследствии А.Топоев продолжает и развивает тему Коркута-воина в графической серии «От ыры (Песня огня)» (2015). На одном из листов серии А.Топоева Коркут, вознесенный в небо, играет музыку,

вдохновляющую воинов, идущих в бой. На втором листе серии художник, который увлекается еще и музыкой, придал облику сидящего на коне Коркута свои портретные черты.

Есть еще одна линия художественного воплощения образа Коркута – шутливая, народно-юмористическая. Маленьким, простоватым мужичком выглядит герой картины «Кюйчи» Айбека Бегалина из Казахстана. Напротив, с хитроватым выражением лица изобразил Коркута (2006) туркменский художник из Ирака Джелал Полат. Полный, даже грузный мужчина с окладистой белой бородой сидит в ленивой позе и что-то рассказывает собравшимся вокруг людям. А за его спиной в ночном небе видна кривая ухмылка Тепегёза.

Казахская исследовательница З.Наурзбаева выделяет семь ипостасей Коркута: камень, музыка, ветер, огонь, вода, материнское молоко, могила [5]. Как они соотносятся с образами Коркута, созданными в изобразительном искусстве, в портретном жанре в частности? Во всех произведениях тюркских художников иконография Коркута заметно отличается. Он изображается с различными атрибутами: это может быть кобыз или домра, меч, посох или книга. В зависимости от этого Коркут выступает мудрецом, певцом-сказителем, шаманом, воином или даже владыкой. Но одно остается неизменным – это координаты Коркута в пространстве: он всегда располагается в центре мира, а все события разворачиваются вокруг него.

Безусловно, налицо прямое соответствие между музыкальной ипостасью Коркута и таким его атрибутом, как гопуз. Но «Коркут в своей ипостаси музыки является Логосом тенгрианства» [5, с. 59] – утверждает З.Наурзбаева. На наш взгляд, фигура Коркута обозначает момент рождения Логоса из тюркского мифа. На определенном моменте рождение Логоса из Мифоса происходит в любой культуре. Этот процесс достаточно хорошо исследован на примере греческой цивилизации. Эти два слова в греческом языке поначалу «были почти синонимами и оба означали «слово», «мышление», «рассказ», «нарратив», «дискурс», «повествование». Постепенно, однако, их семантические круги расходились, пока не оказались противопоставленными друг другу. Логос стал выражать рациональную, научную, философскую мысль... Мифос же охватывал совокупность историй про богов и героев, которые относились к сфере предания, верований, обрядов и значительно контрастировали с закона-

ми Логоса, т.к. не предполагали рациональной рефлексии и строгой, веренной интерпретации» [3, с. 483].

На самом деле «Китаби Деде Коркут» является сказанием о подвигах военно-кочевой аристократии и в этом смысле выступает одним из видов искусства воинской касты. Не исключено поэтому, что в современном изобразительном искусстве, в особенности у казахских художников, на образ Коркута переносятся некоторые воинские аспекты эпоса. Однако, справедливо отмечают исследователи эпоса, «в самых затруднительных положениях вспоминают о Коркуте, ему поручаются самые сложные и опасные миссии» [8, с. 67]. Для этого надо было быть лицом с особыми полномочиями, «наделенным правами верховного священнослужителя. Коркут, судя по всему, относился к числу именно таких избранных лиц» [4, с. 65]. Можно сказать, что личность Коркута концентрирует в себе все основные архетипы поведения древнего огузского общества. Но на сегодняшний день, когда многие национальные тюркские культуры (прежде всего туркменская и казахская) частично или полностью самоидентифицируются через личность или архетипы рода Коркута, в изобразительном искусстве возникла такая иерархия образов Коркута, при которой самую высокую ступень занимает визуальное воплощение Коркута как носителя небесного, сакрального начала.

На неизмеримую высоту поставлен образ Коркута в композиции Вагифа Уджата «Деде Коркут. О мир, в который приходят и уходят». Он поднят на небо, Вечное Синее Небо тюрков и приравнен небу. Коркут изображен здесь в ипостаси Танры, Тенгри. Его распростертые руки подпирают небо, а у ног видны тюркские надгробия. Название композиции выражает вечную мудрость, предельное знание об этом изменчивом, бренном мире. Коркут – это Логос.

Ключевые слова: Деде Коркут, тюркское изобразительное искусство, иконография, визуальный образ, атрибуты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quliyev R.A. Rəssam Asif Azerellinin Dədə Qorqud obrazı.
2. Безрукова М.И. Искусство Финляндии: основные этапы становления национальной художественной школы. – М., 1986.

3. Дугин А.Г. В поисках темного Логоса. – М., 2013.
4. Короглы Х.Г., Набиев А.М. Азербайджанский героический эпос. – Б., 1996.
5. Наурзбаева З. Вечное Небо казахов. – Алматы, 2013.
6. На языке красок и узоров. http://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_112/991&lang_id=ru
7. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

Ərtegin Salamzadə (Azərbaycan)

Müstəqil türk ölkələrinin boyakarlığında Qorqud surəti

Qorqudun vizual surətinin tarixi XX yüzilliyin ortalarından başlayır. O vaxtdan türk ölkələrinin rəssamları Qorqudla bağlı süjetləri təsvir etməyə başlamışlar. Bu işdə Azərbaycan rəssamları ön sırada dayanır.

Hələ 1956-cı ildə Mikayıl Abdullayev “Kitabi Dədə Qorqud” dastanı üçün illüstrasiyalar hazırlamışdı. 1970-ci illərdə Qorqud surətinə Toğrul Narimanbəyov müraciət edib. 1990-cı illərdən başlayaraq İsmayıl Məmmədov dastana həsr edilmiş silsilə əsərlər üzərində çalışır. Qorqudun dolğun portretlərini M.Şirzad (1998), T.Salahov (2000), N.Hacıyev (2002), A.Azerelli və başqaları yaratmışlar.

Qorqudun surəti başqa türk ölkələrindən olan rəssamlarına da ilham verir. Bu mövzuda qazax rəssamları Kazbek Ajibekov (1997) və Adılxair Jantasov (2013), tükmən fırşa ustası Yarlı Bayramov (2005) maraqlı kompozisiyalar yaratmışlar. Qorqud poetikası həm də İraq, Qaraqalpağıstan, Tuva, Xakasiya və Altay rəssamlarının kompozisiyalarında yer tutur.

Türksoylu rəssamların işlərinin hamısı seçdikləri Qorqud ikonoqrafiyası baxımından xeyli fərqlənirlər. O, müxtəlif atributlar ilə təsvir edilir: bu qopuz və ya domra, qılınc, əsa və ya kitab ola bilər. Bundan asılı olaraq Qorqud müdrik, aşiq-dastançı, qam-ata (şaman), döyüşçü, hətta bəzən hökmdar kimi çıxış edir. Amma bir şey dəyişməz qalır: bu, məkanda Qorqudun məcazi koordinatlarıdır: o, həmişə dünyanın mərkəzində yerləşir və təsvir edilmiş bütün hadisələr onun ətrafında cərəyan edir.

Açar sözlər: Dədə Qorqud, türk təsviri sənəti, ikonoqrafiya, vizual surət, atributlar.

Artegin Salamzade (Azerbaijan)**The image of Korkut in the painting of independent Turkic countries**

The history of visual image of Korkut begins since the middle of the XX century when the artists of Turkic countries began to appeal to the topics connected with him. One of the first of them are Azerbaijan artists.

In 1956 M.Abdullayev created illustrations on the epos “Kitabi Dede Korkut”. In 1970-s T.Narimanbayov appealed to the image of Korkut. Since 1990 Ismail Mammadov works at a series of pictures devoted to the epos. M.Shirzad (1998), T.Salakhov (2000), N.Hajiyev (2002), A.Azerelly created wonderful portraits of Korkut.

Korkut’s image inspires artists of other Turkic countries. Interesting compositions are created by Kazakh artist K.Ajibekov (1997) and A.Zhantasov (2013) and Turkmen master Y.Bayramov (2005). Korkut’s poetics makes up compositions of artists from Iraq, Karakalpakstan, Tuva, Khakasia and Altay.

Korkut’s iconography noticeably differs in all works of Turkic artists. He is described with various attributes: it can be kopyz or domra, sword, crook or book. Depending on it Korkut is a thinker, singer-narrator, shaman, warrior or even a ruler. But one always remains unchanged – Korkut’s whereabouts in the space: he is always in the centre of the world and all events happen around him.

Key words: Dede Korkut, Turkic fine arts, iconography, visual image, attributes.